

стве примера. Еще более знаковыми для Дагестана стали художественные отрасли ремесла, о которых больше известно обществу [4, гл. 3, 4].

Библиография

1. URL: <http://www.klinika-lekon.ru/stati/59-2010-05-22-10-28-48.html>; и др.
2. Эстетика: словарь. М., 1989.
3. *Тихомиров А. И.* Очерки о кустарной промышленности Даргинского, Лакского и Аварского округов ДССР на основании выборочного обследования, проведенного летом 1929 г. // Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 29.
4. *Магомедов А. Дж.* Художественные промыслы Дагестана в XX в.: реалии практики и позиция власти. Махачкала, 2003.

С. А. Штырков

«У ОСЕТИН МНОГО ПРЕКРАСНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЫЧАЕВ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ПООЩРЯТЬ И ПОДДЕРЖИВАТЬ»: СОВЕТСКИЕ КОРНИ ЭТНИЧЕСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

В 1998 г. известная журналистка Евгения Альбац не без иронии заметила: «Сейчас уже мало кто помнит одно из ключевых слов эпохи перестройки — “манкурт” (человек, насильственно лишенный памяти)» [1]. Действительно, это слово уже в конце 1990-х воспринималось как атрибут ушедшей эпохи¹.

---

¹ На самом деле это слово не исчезло из употребления, а нашло свою нишу в дискуссии о результатах и перспективах языковой и культурной политики

Изобретенное или во всяком случае введенное в поле публичного дискурса конкретным человеком — Чингизом Айтматовым — слово «манкурт» отсылало к истории, рассказанной в романе «Буранный полустанок» (другое название — «И больше века длится день»). Речь в ней шла о (скорее всего, никогда не существовавшем) обычае одного жестокого племени с помощью мучительной и сложной процедуры лишать пленников памяти и тем самым превращать в выносливых и дисциплинированных рабов, преданных только своим владельцам и никогда не задумывавшихся над тем, чтобы бежать. Особый драматизм этому нарративу, изложенному в форме этимологического предания, придавало то, что ее главный герой, молодой манкурт, не только не узнает разыскавшую его мать, но и мастеровито убивает ее по указке боящегося потерять ценного работника хозяина. Это яркая история, в которой можно видеть опыт антиколониальной критики [3], оказалась весьма популярна и понятна для многих людей, а термин «манкурт» стремительно был нагружен политическими (или квазиполитическими) смыслами, которые вполне корректно отражены в словарных определениях: «МАНКУ́РТ. О человеке, забывшем прошлое, отказавшемся от национальных традиций, обычаев, потерявшем нравственные ориентиры, ценности» [4].

Но для нас важно то, что популярность этого слова и стоящего за ним образа достаточно хорошо отражает состояние умов в 1980-е и начале 1990-х гг. В то время в течение короткого срока современный этнический традиционализм стал заметным социальным явлением и продолжает им оставаться. Именно тогда многие люди чутко уловили мысль Айтматова — человек может быть равен самому себе, только если он поддерживает связь с этнической традицией. Таким образом, полнота этничности всегда оказывается в прошлом и требует специальных усилий для своего

в некоторых бывших союзных (Казахстан) и автономных (Татарстан) республиках. Приведу пример его современного употребления из газеты крымских татар «Avdet»: «Человек, потерявший память, лишенный духовных связей с миром, человек, забывший или презревший свою национальную принадлежность и свою национальную культуру, утрачивает право называться человеком. Он сохраняет только внешнею человеческую оболочку, а по существу хуже животного. Он — МАНКУРТ» [2].

поддержания. Страх потери связи со своими корнями, подразумевавший тогда критику советских модернизационных информационных процессов, стал если не всеобщей, то доминирующей социальной obsesией. Фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли», специалисты по древнерусской литературе в роли совести нации, да и приснопамятное общество «Память» были знаками времени. Большинство потребителей и создателей традиционалистского дискурса, конечно, не имели в виду ничего, что потом оказалось тезисами этнонационалистских программ. Дмитрий Лихачев предполагал мультикультурное образование, когда писал о том, что «без этого человек просто обречен быть манкуртом, обречен быть Иваном, не помнящим своего родства, не понимающим и потому не принимающим духовные основы других наций» [5]. Однако довольно быстро опасения потери связи с прошлым утратили интернациональные (или хотя бы нейтральные в этом отношении) коннотации, и в национальных республиках дискуссия приобрела форму антиколониальной критики в адрес тех, кто лишает народы их прошлого: «Деисторизация народа — особый вид идеологической диверсии, направленной на уничтожение исторической памяти, воспитание безродного манкурта, биологического робота, безразличного к своему прошлому, настоящему и будущему» [6].

Взрыв этнического традиционализма сейчас выглядит одновременно естественным и неожиданным, и для нас интересна природа этого явления — как граждане Советского Союза, чья идеологическая система готовила быть скорее гражданами прекрасного коммунистического будущего, оказались носителями традиционалистского (и традиционализирующего) сознания? В поисках ответа на этот вопрос я хотел бы вернуться в конец 1950-х гг., когда новые перспективы стремительной социалистической модернизации потребовали от советских идеологов создания новой культуры и нового человека. Тогда это, среди прочего, предполагало искоренение религиозных пережитков. Поскольку устойчивость этих нежелательных для социалистического общества пережитков стали объяснять не только коварством «церковников и религиозников», но и «естественной» потребностью человека в ритуальном оформлении своей жизни, обладании

устоявшимися традициями, то в рамках антирелигиозной кампании была развернута борьба за новые обычаи и обряды. Поскольку социальная политика предполагала свое обоснование в рамках научного коммунизма, было написано довольно много про то, какова природа обычая и ритуала и каковы наиболее эффективные пути достижения искомых результатов.

Общие векторы, определившие дискурсивное оформление и аргументацию дискуссии об обрядах и традициях, были заданы в выступлениях на XIII Съезде ВЛКСМ, с которого стартовала вторая волна борьбы за новую обрядность, породившая в качестве неожиданного достижения и новый традиционализм.

В отчетном докладе первого секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Шелепина прозвучали предложения, которые, разумеется, нужно было расценивать как прямое указание. Интересно, что в этом рассуждении звучат слова, которые демонстрируют своеобразное уважение к «народным традициям», хотя это и не было главной идеей выступающего:

Или возьмите свадьбу. Народ тысячелетиями создавал свадебный обряд. А сейчас уж очень все упрощено. Надо завести нам свои хорошие свадебные обряды. Свадьба должна навсегда оставаться в памяти у молодых. Может, стоит, чтобы молодожены давали торжественное обязательство честно нести супружеские обязанности. Может, стоит носить обручальные кольца, ибо в этом нет ничего религиозного, а это память и знак для других: человек женат. И брачные свидетельства должны быть красивыми, памятными. Вряд ли годится и такая практика, когда брак и смерть регистрируют в одном и том же помещении одни и те же люди. Может, стоит, чтобы в клубах и других помещениях, пригодных для проведения свадебных торжеств, было бы соответствующее убранство, посуда.

Известно, что в 16 лет юноши и девушки получают паспорт. Следует ввести в традицию торжественное вручение паспортов, чтобы к молодежи приходили в этот день коммунисты, кадровые рабочие, напутствовали ее в жизнь. Хорошо это делается в Эстонии и Латвии. Надо отмечать и такие значительные события в жизни молодежи, как окончание школы, получение специальности, рождение ребенка, призыв в армию.

Интересно, что после этого пассажа шло «естественное» продолжение: *Товарищи! Известно, какой вред наносит религия делу коммунистического воспитания молодежи. Комсомольские организации призваны всеми средствами вести борьбу...* [7]

В докладах секретарей комсомольских организаций некоторых республик тоже упоминалась эта достаточно новая для комсомольских функционеров работа. Так, секретарь Латвийского ЛКСМ отчитался об успехах в создании новой обрядности и одновременно борьбы с религией. Впрочем, и о проблемах, имеющих на этом фронте, он тоже упомянуть не забыл.

Комсомольские организации республики принимают меры к тому, чтобы оторвать от церкви молодежь, попавшую под влияние религии. Все чаще играют комсомольские свадьбы, и общественность отмечает рождение ребят. Но это еще не стало традицией, делом каждой первичной организации. Теперь в ряде районов решено отмечать как праздник советской молодежи день совершеннолетия, лучше проводить работу с подпавшими под влияние церкви, улучшать подготовку лекторов-антирелигиозников <...> У нас нет специальных песен для комсомольских свадеб. Нет художественной литературы, помогающей разоблачать реакционную сущность религии. Мало на эту тему написано пьес для художественной самодеятельности [8].

В речи секретаря ЦК ЛКСМ Грузии Э. А. Шеварднадзе говорилось о необходимости сохранения народных традиций, что предвосхищало традиционалистские рассуждения, распространившиеся десятилетием позже.

Несколько слов о народных традициях. Их надо беречь, свято соблюдать. Конечно, нужно сбросить кое-где религиозный дух, вредную окраску. В нашем народе с древних времен сложилась традиция почитания женщины, матери <...> А разве народная традиция почтительного отношения к женщине не достойна внимания комсомола? [9].

Как видим, разные докладчики призывают к разным вещам. Представитель «европейской» Латвии говорит о создании новых форм, а делегат от экзотичной и известной своими традициями Грузии, в которой можно видеть квинтэссенцию воображенного саидовского Востока, правда, в российско-советской редакции,

настаивает на приверженности дедовской старине. Это очевидное противоречие, конечно, не казалось неразрешимым для приученной к диалектическим построениям мысли советского идеолога. Оно предлагало игру на знакомом поле оппозиций между формой и содержанием, национальной спецификой и интернациональным воспитанием и, наконец, строительством совершенно нового общества и телеологически определяемой изначальной предуготовленности к нему народа. Последний образ (и стоящее за ним мечтание) во многом определил привлекательность идеологии и фразеологии традиционализма и, соответственно, относительную безуспешность попыток создания новых обрядов. Эти попытки нашли свое наивысшее воплощение в т.н. «Примерных рекомендациях», в нескольких вариантах выпущенных в Северной Осетии и до сих пор памятных старшему поколению осетинских этнографов и фольклористов [10, 11, 12].

Одним из ярких примеров новой обрядности стали в это время комсомольские свадьбы, проводившиеся в разных местностях и отрицавшие разные пережитки. Вот как описывает подобную свадьбу газета «Советская Осетия».

Все большее распространение в республике получают комсомольские свадьбы. Автор этих строк недавно побывал на одной из таких свадеб в селении Дзуарикау. Она произвела неизгладимое впечатление на всех присутствовавших, вызвала у всех чувство гордости за нашу замечательную молодежь.

Свадьба была назначена на воскресенье. Но в этот день люди работали: уборка кукурузы была в разгаре, и труженики совхоза дорожили каждым погожим часом. Поэтому решили: всем, кто вечером пойдет на свадьбу, уплотнить свое время, быстрее выполнить норму. Жених и невеста вместе со всеми в этот день выехали в поле.

После работы Юрий и Зельма пригласили на свадьбу всех, кто был в поле. И вечером в доме старого Ато собралось столько народа, что, как говорится, яблоку негде было упасть. Жених и невеста ни от кого не прятались, всем открыто смотрели в глаза. Юрий и Зельма, наряженная в красивый свадебный костюм, принимали в прихожей гостей. В одной из внутренних комнат накрывались столы. Молодежь устроила танцевальный

круг, и «хонга» сменяла танец «на носках». Потом все вместе сели за праздничный стол. Тут были и седобородые старцы села, и молодежь. Юрий с Зельмой сели за общей стол.

Комсомольцы села заранее позаботились о подарках и торжественно вручили их молодоженам. Они следили за порядком на свадьбе, старались, чтобы никто из гостей не скучал.

На следующий день, в понедельник, молодожены вместе со всеми отправились на ломку кукурузы. И на сей раз брошен был вызов устаревшему обычаю, по которому свадебное гулянье должно продолжаться семь дней. Энергия молодежи так заразила людей, что в уборке кукурузы приняли участие даже глубокие старики [13].

Как мы видим, здесь от «народной культуры» остается только хореография. Действительно, эта область фольклора наряду с музицированием на народных инструментах казалась наименее чреватой идеологическими ошибками и просчетами. Однако подобный радикальный разрыв с традицией не получил признания. Более того, нашлись критики как реформы свадебного обряда, так и всего модернизирующего подхода к традиции.

Они черпали аргументы из экспертного анализа народной культуры, выявляющего «драгоценные камни» этнического наследия. Следует подчеркнуть, что сдержанные реверансы в сторону многовекового опыта предков не всегда подразумевают последовательную охранительную позицию. Приведем вполне рядовое рассуждение в духе «сохраним все лучшее»: «Не все прежние традиции реакционны и должны быть уничтожены. Есть народные традиции, закрепляющие общечеловеческие нормы морали (любовь к детям, уважение к старшим), и прогрессивные национальные традиции, выражающие лучшие черты народа» [14, с. 7]. Другой автор делает еще один шаг в сторону освящения авторитета традиции, в которой уже появляются признаки извечной мудрости: «Невозможно, нельзя “придумать” свадебный обряд, не получится! Но вполне можно использовать традиционный»; «Присмотримся же к обрядам отцов и хорошенько подумаем, а не годится ли нам родительское наследство» [15, с. 30].

Наиболее радикальным и последовательным подходом к национальной, народной традиции характеризуется реплика осе-

тинского писателя Нафи Джусойты, высказанная в ходе широкой дискуссии на страницах солидного журнала «Дружба народов» в 1968 г. Он начинает с того, что утверждает: «Всякие попытки создать новые обычаи, обряды, праздники обернутся чиновничьим своеволием, неразумно навязываемым народу». Переходя к конкретным примерам, он вспоминает комсомольскую свадьбу: «Комсомольская свадьба ничего не смогла противопоставить этому красивому обряду. Он был заменен безобрядностью, национально оригинальный текст — унифицированным шаблоном, демократизм — профессионально-служебной избирательностью и опекой». Далее умело используя многозначность слова «народ», Джусойты призывает: «Надо не отваживать людей от подлинно народных традиций, а приучать их уважать эти традиции, знать их, чтобы свободно отличать подлинное от подделки, народное от сословных настроений...» Свои рассуждения автор статьи приводит к точке, где будущее и прошлое встречаются, чтобы заключить друг друга в теплые объятия (в духе ранней перестройки): «В Осетии <...> долгие годы в печати, по радио, в телевизионных передачах, в устных беседах и лекционных выступлениях шла и по сию пору идет борьба против устарелых традиций как пережитков прошлого. Для многих пропагандистов прошлое, традиционное, давнее стало синоним плохого, отрицательного, вредного. А между тем при близком знакомстве с нравственным наследием прошлого оказывается, что подлинно народные традиции поразительно совпадают с принципом морального кодекса строителя коммунизма, выдвинутого нами как идеал» [16, с. 243–249].

Защитники отцовских традиций понимают, что здесь нужно играть по правилам, одним из которых является обязательное цитирование классика. Здесь они оказываются в довольно сложном положении, поскольку упоминание традиций в марксистской традиции обычно ассоциируется с суровыми словами Карла Маркса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». Выручил Энгельс, который написал в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» следующее: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте. Без солдат, жандармов и полицейских,

без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком» [17, с. 97]. Очевидно, что здесь традиционалистам помогло то, что многие особенности традиционной культуры горских народов советские пропагандисты объявляли «пережитками родового строя». В этих условиях родовой строй сближался в сознании защитника древнего обычая с обликом первобытности и, следовательно, первой формационной стадии — первобытного коммунизма, которому будет на новом уровне новый коммунизм: «В условиях коммунизма, когда отмирает государство, обычай снова становится полноправным регулятором общественных и личных отношений». Это значит, что «разгульная критика обычаев, пусть даже устаревших, так или иначе вызывает безразличие к положительному нравственному опыту народа, искусственно разрывает “связь времен” в личности...» [18, с. 28, 34].

Как мы видим, уже к началу 1970-х гг. складывается система аргументации, которую на художественном уровне реализует Чингиз Айтматов и остро проживут многие во второй половине 1980-х гг., когда борьба за новую обрядность подойдет к своему блеклому концу. В Северной Осетии главная республиканская газета пишет спокойную эпитафию этой амбициозной попытке реализовать давнюю мечту модернистов — создать новую обрядность, способную сделать современного человека еще более современным: «Речь должна идти не столько о создании новых традиций, сколько о восстановлении этой прерванной связи, о сохранении памяти народа о самом себе ради исторической правды <...> Обычай и обряд как разновидность последнего в условиях социализма действуют не самостоятельно, а становятся важными компонентами коммунистической морали <...> Традиции и обычаи — это история народа, выражение уровня его духовной культуры, требующей к себе бережного отношения» [19].

Библиография

1. Альбац Е. Летопись бюрократии // Коммерсантъ — Деньги. № 28 (182). 29.07.1998.
2. Кто ты — манкурт или патриот? // Avdet. 2010. 12 мая. № 18 (597).

3. *Адамс Л.* Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4 (66).
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
5. *Лихачев Д. С.* Я вспоминаю. М., 1991.
6. *Куликов К. И.* Национально-государственное строительство восточнофинских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993.
7. Доклад секретаря ЦК ВЛКСМ тов. А. Н. Шелепина // *Комсомольская правда*. 1958. 16 апр. № 90.
8. *Бемен Э. К.* Речь на XIII съезде ВЛКСМ // *Комсомольская правда*. 1958. 18 апр. № 92.
9. *Шеварднадзе Э. А.* Речь на XIII Съезде ВЛКСМ // *Комсомольская правда*. 1958. 18 апр. № 92.
10. Примерные рекомендации о внедрении в быт новых советских праздников, традиций и гражданских обрядов. Орджоникидзе, 1966.
11. Новые советские праздники, традиции и обряды — в быт трудящихся (примерные рекомендации). Орджоникидзе, 1970.
12. Примерные рекомендации по развитию и внедрению в быт трудящихся республики новых, социалистических праздников, обрядов и традиций. Орджоникидзе, 1976.
13. *Дзобелов Х.* Комсомольская свадьба: Молодежь утверждает новые традиции // *Социалистическая Осетия*. 1960. 20 нояб.
14. *Новиков В. И.* Формирование нравственных традиций и привычек в советском обществе. Пермь, 1963.
15. *Балашов Д.* Традиционное и современное // *Наука и религия*. 1965. № 12.
16. *Джусойты Н.* Воспитание чувств и обычаев // *Дружба народов*. 1968. № 7.
17. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 21.
18. *Хачиров А., Орлов В., Касаев В.* Новые традиции и борьба с пережитками в сознании людей. Орджоникидзе, 1973.
19. *Цаллаев Х.* Нетленная память народа // *Социалистическая Осетия*. 1989. 18 янв.